

УДК 338 – 631

DOI: 10.37468/2307-1400-2020-3-69-94

ТАРХАНОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ПРИЧИНЫ РАСХОЖДЕНИЯ С ПРАКТИКОЙ

АННОТАЦИЯ

На основе анализа социально-экономических процессов, происходивших в экономическом организме человеческих обществ разных эпох, показано, что человеческое сообщество в своем развитии достигает ступени государства ранее образования в нем антагонистических классов. При этом выявлено, что разрушение великих государств (Римской империи, царской России и СССР), было обусловлено нарушением в земледелии явления круговорота органического вещества, определяющего сущность естественного почвенного плодородия, лежащего в основе производства пищи, как объективного элемента производительных сил.

Ключевые слова: государство, политическая экономия, практика, теория, производительные силы, пища, естественное почвенное плодородие, круговорот органического вещества, разрушение государства, Римская империя, царская Россия, СССР.

TARKHANOV O. V.

POLITICAL ECONOMY: REASONS FOR DIVERGING FROM PRACTICE

ABSTRACT

Based on the analysis of socio-economic processes that took place in the economic organism of human societies of different epochs, it is shown that the human community in its development reaches the stage of the state before the formation of antagonistic classes in it. At the same time, it is revealed that the destruction of the great States (the Roman Empire, autocratic Russia and the USSR) was caused by the violation of the phenomenon of organic matter circulation in agriculture, which determines the essence of natural soil fertility, which is the basis of food production, as an objective element of productive forces.

Keywords: state, political economy, practice, theory, productive forces, food, natural soil fertility, organic matter cycle, destruction of the state, Roman Empire, tsarist Russia, USSR.

Введение

В 7 веке до н.э. древнегреческий исследователь Гесиод (VIII–VII век до н. э.) описал экономику (деятельность) человека в земледелии [1].

Аристотель (384 г. – 322 г. до н.э.) поставил вопрос о мере обмениваемых на рынке благ [2].

В 1615 г. Монкретьен издал «Трактат политической экономии» [3]. С этого момента представления об экономической деятельности стали оформляться в науку «Политическая экономия» о производстве и распределении полезностей (благ, потребительной и меновой стоимости – ценности)

между членами человеческого общества. Термин «полезность» обозначает производимое экономическим организмом материальное благо. Определения ряду иных терминов, примененных в статье, было дано в отдельных статьях [4, 5].

Т.о. до 2020 г. прошло более 2700 лет со времен Гесиода и около 2300 лет со дня постановки Аристотелем (384 г. – 322 г. до н.э.) вопроса о мере обмениваемых благ.

Через 2100 лет после Аристотеля к 1868 г. представления об экономических явлениях в капиталистическом обществе, были отражены в обширном

труде «Капитал» [6]. Первый том издан Марксом в 1869 г., второй том издан Энгельсом в 1885 г., третий том, издан Энгельсом в 1894 г., четвертый том, издан Каутским в 1905–1910 гг.

Известно, что все четыре тома «Капитала», по свидетельству Энгельса и Каутского, были написаны к моменту издания первого тома. В остальных томах принципиальных изменений не было. Поэтому, как следует из этого факта, была какая-то весьма важная причина для того, чтобы Маркс в течение пятнадцати лет после издания им первого тома, а в последующем Энгельс и Каутский, задерживали публикацию трех томов «Капитала».

В результате исследований этого феномена было выявлено, что положенный в основу «Капитала» тезис об измеримости производимых полезностей (благ, стоимостей) только трудом был недостаточно обоснован [7].

Из этого следовало, что осмысление экономической деятельности отставало от практики создания и распределения полезностей. И это отставание было связано с отсутствием знаний о происходящих в природе явлениях.

Перед изданием первого тома «Капитала» Маркс в 1859 г. дал содержательную критику «Политической экономии» по сочинениям Петти, Смита, Рикардо и иных авторов [8]. Ряд уточнений сделал Энгельс в 1884 г. [9]. Именно он ввел определение: «Таким образом, политическая экономия по своему существу — историческая наука. Она имеет дело с историческим, т. е. постоянно изменяющимся материалом; она исследует, прежде всего, особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена, и лишь в конце этого исследования она может установить немногие, совершенно общие законы, применимые к производству и обмену вообще. При этом, однако, само собой разумеется, что законы, имеющие силу для определенных способов производства и форм обмена, имеют также силу для всех исторических периодов, которым общи эти способы производства и формы обмена» [9, С.151].

Определение Энгельса позволяет понять, что «Политическая экономия» является системной наукой, уровень развития которой определяется уровнем

знания в разных сферах познания. Но уровень познания, в том числе, и о прошлом человеческого общества, с течением времени меняется. Отсюда – историчность «Политической экономии». В то же время, меняются представления о сути производительных сил в экономическом организме. На сегодняшний день выявлено, что производительные силы не являются совокупностью только субъективных и технических элементов. Их сущность гармонично связана с объективным элементом, представляющим собой пищу. Но пища является результатом действий природных (естественных) законов. Значит, «Политическая экономия» – это не только историческая наука. Она одновременно включает в себя естественные науки. Ибо уровень представлений о природных законах не может не влиять на производство пищи.

Действительно, ученые лишь с 18 века стали предметно заниматься феноменом почвенного плодородия. И как только Тэер, Буссенго и другие ученые выявили, что растения из почвы потребляют некие питательные вещества, так это стало предметом практического использования для выращивания культурных растений.

Одновременно, как обосновано Марксом, количество и качество производимых экономическим организмом полезностей (стоимостей) определяются уровнем развития производственных отношений. Но производственные отношения – это складывающиеся в человеческом обществе взаимоотношения между людьми. Представления об этих взаимоотношениях изучаются в рамках социальных наук. Значит, «Политическая экономия» – это действительно системная наука, в которой степень соответствия принятых в ней представлений реально протекающим в обществе явлениям определяются уровнем совокупности знаний, имеющих на дату сопоставления.

Поэтому, в силу зависимости развития производительных сил общества от уровня развития знаний о природе, об обществе и истории его развития эта наука является не только системной, но и комплексной. Но быть комплексной наукой, не значит быть полной и точной к тому или иному моменту своего развития.

Действительно, к моменту возникновения интереса к различным сторонам этой науки, естественнонаучных или иных знаний о различных сторонах производства и распределения благ еще не было получено, или полученные сведения не были имманентны реально протекающим в природе и обществе процессам.

Так, не было исторических знаний о сущности производства в докапиталистическую эпоху. Лишь в 1877 г. Морганом было опубликовано исследование о становлении человеческого общества в первобытную эпоху [10].

Как показано Энгельсом, в основе исследований Моргана и Маркса (независимо друг от друга) лежал один и тот же метод – метод исторического материализма. Работа Моргана позволила Энгельсу прийти к выводу, что первобытнообщинное общество на стадии перехода от варварства к цивилизации преобразуется в «новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения, – общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно развертываются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей *писаной* истории вплоть до нашего времени» [11, С. 26].

Приведенная мысль Энгельса состоит из двух частей. Первая из них относится к возникновению государства как отрицания родового строя.

Вторая часть относится к утверждению о том, что момент организации государства совпадает с моментом возникновения классов, классовых противоречий и классовой борьбы.

У Моргана факт реформирования установлен с исторической точностью:

– «Для уничтожения родов и замены их новым планом управления существовало важное основание. Оно было осознано, вероятно, Тезеем и, несомненно, Солоном.

Вследствие неустойчивого состояния греческих племен и неизбежных народных передвижений в легендарный период и время, предшествующее Солону, многие лица перешли из одной нации в другую и потеряли, таким обра-

зом, связь со своими родами, не приобретая ее с другими. Это должно было время от времени повторяться, вследствие ли склонности к приключениям отдельных лиц, торгового духа или по военным обстоятельствам, пока в каждом племени не оказалось значительное число лиц со своим потомством, не принадлежавших ни к какому роду» [10, С.153];

– «Новая система Солона дала афинскому обществу сильный толчок; тем не менее, прошло еще почти целое столетие, сопровождавшееся большими беспорядками, прежде чем идея государства вполне развилась в уме афинян. Понятие территориальной общины, как единицы политической системы, развилось, наконец, из навкрай, но потребовался необыкновенно гениальный человек с большим личным влиянием, чтобы воспринять эту идею в ее полном объеме и дать ей органическое воплощение. Такой человек явился, наконец, в лице Клисфена (509 г. до н. э.), которого следует считать самым выдающимся афинским законодателем, творцом второго великого плана общественного управления, того, который служит организацией современных цивилизованных наций» [10, С.155];

– «Клисфен ...разделил Аттику на сто точно разграниченных и различавшихся названиями демов, или общин. Каждый гражданин должен был приписаться сам и приписать свое имущество к тому дему, в котором он жил. Эта регистрация служила доказательством и основой его гражданских прав. ...В самых низших территориальных организациях управление было отдано в руки народа» [10, С.155]

– «Чтобы быть гражданином государства, было необходимо быть гражданином дема. Отдельное лицо голосовало и облагалось податью в своем деме и отсюда же призывалось на военную службу. Подобным же образом оно избиралось в сенат и призывалось к командованию частями армии и флота из большего округа, т. е. его локального племени. Отношения лица к роду или фратрии перестали определять его гражданские обязанности. Контраст между этими двумя системами обозначается столь же резко, сколь глубоко было их различие. Слияние

народа в политические единицы на определенных территориях завершилось» [10, С. 157].

Не трудно убедиться, что первобытнообщинный строй через стадии дикости и варварства перешел к политически организованной нации не через отрицание сложившейся у варваров системы производственных отношений при производстве благ (совместное собирательство, рыболовство, охота). Производство людьми благ через его естественное развитие перешло к скотоводству, земледелию и ремесленничеству с последующим естественным переходом управления от родовой формы к территориально-политической форме (государству). Этот факт позволяет полагать, что, несмотря на наличие рабов в греческом обществе, они не играли существенной роли в производстве жизненно необходимых благ.

Не играло никакой производственно-распределительной роли и введение Солоном имущественного ценза, по которому население подразделялось по признаку дохода, получаемого в своих хозяйствах, в медимнах (1 медимн = 52 литра зерна или вина и оливкового масла) [12].

Так появились «пятисотмерники» (пентаксиймедимны) (500 медимнов), «всадники» (300 медимнов), «зевгиты» (200 медимнов) и «феты» – остальные граждане. С одной стороны, такое деление служило основанием распределения нагрузки при призыве на военную службу. На более состоятельных граждан ложилась и большая нагрузка:

- «пятисотмерники» строили, снаряжали и содержали 48 триер (парусно-весельное военное судно);
- «всадники» поставляли и содержали двух коней и оруженосца,
- «зевгиты» – каждый должен был обеспечить себя и еще одного работника латами, мечом и щитом;
- «феты» служили легко вооруженными воинами и матросами.

Эти граждане фактически были освобождены от постоянных налогов. Государственные расходы покрывались доходами от земледелия на государственных землях, добычи серебра (Лаврийские рудники), таможенных пошлин и судебных штрафов.

Общественные должности по управлению были почетны и не оплачивались.

С другой стороны, имущественный ценз привел к выравниванию прав граждан. Так, вместо наследственных привилегий эпатридов, почет и уважение получали талантливые и трудолюбивые граждане из простолюдинов (демоса).

Из исследований об экономическом организме Древней Греции следует, что основная масса рабов была занята в ремесленном производстве, в горнорудном производстве и весьма незначительно в сельском хозяйстве [13].

Этим же путем развивалось и Римское древнее общество. В нем после реформ Сервия Туллия (576 году до н. э.) «Каждый человек должен был приписаться к городскому округу по месту своего жительства и указать размер своего имущества» [10, С. 192].

В то же время, при завоевании Древнегреческих Государств Древним Римом и их включении в Римскую империю (146 г. до н.э.), количество рабов непосредственно в Риме увеличилось. Однако в I и во II веке рабство практически исчезло. Стало быть, и в Римской империи (уже с покоренной Древней Грецией) производственные отношения, как способ производства, из стадии первобытных отношений (все общее) стояли на пороге плавного перехода в феодальные отношения. И эта плавность была следствием открытого в древности способа реформирования общества (в Междуречье – реформы Хаммурапи, в Древней Греции – реформы Солона и Клисфена и т.д.).

Действительно, в Римской Империи производство пищи (основного блага) из стадии общинного производства, затем договорного свободно-гражданского, было переведено в стадию крепостническую (в IV веке, указы Диоклетиана и поздних императоров о закреплении земледельцев за земельными участками) [14, 15, 16].

При этом вполне ясно, что пищи, производимой свободными гражданами на полях Римской империи, хватало не только для пропитания крестьянских семей. Часть этой пищи поступала в города для пропитания людей, не принимавших трудового участия в ее производстве. Стало быть,

возникает вопрос, откуда брался этот прибавочный продукт?

Если следовать размышлениям Маркса, то прибавочный продукт появлялся благодаря прибавочному труду. Однако, опираясь на наблюдения Петти, величина прибавочного продукта у земледельца менялась по величине в разные годы при одном и том же затрачиваемом труде на ее производство. А Маркс к 1869 г. уже знал, что при одном и том же труде, но на разных участках земли, собирают разные по величине урожаи. Петти этот прибавочный продукт назвал рентой.

Именно снижение природной ренты стало наблюдаться в Римской империи перед введением крепостного права.

Реформы не преследовали цели закабаления производителей. Они были направлены на сохранение благосостояния всего общества. Реформы явились прямым следствием перехода функций заботы о выживаемости и воспроизводстве людей разных форм организации (род, племя, союз племен, государство). Эти функции переходили от одних лиц к другим по исторически развивавшейся цепочке высших должностных лиц в соответствующую эпоху: вождь, царь, архонт, император. Главная из этих функций – принимать меры по обеспечению пищей и борьбе со снижением производства пищи.

Применительно к Римской империи эти реформы явились реакцией управленцев на возникшее в государстве явление – отказ граждан от ведения земледелия и их переселение в город. В этот период наука о земледелии была весьма слабо развита. А происходившее как бы было понятно императорам – земледельцы уклоняются от сельскохозяйственной деятельности, ибо в городе жить легче. Но без труда земледельцев государство выжить не может, так как в основе деятельности людей (от императора, до гражданина) лежит употребление пищи. Отсюда логика указов: граждане, проживающие вне городов, прикреплялись к месту жительства, к земельным наделам и даже к месту ремесленничества с наследованием профессии. Стало быть, именно с этого момента времени производственные отношения первобытнообщинного (родового) типа изменяются на феодальные

отношения. Причем к смене производственных отношений привела не социальная революция по разрушению их оков, а факт снижения урожайности. И мы знаем, что роста урожайности после введения колоната не было достигнуто. Наоборот, это явление усугубилось, что, как будет показано, имело катастрофические последствия для Римской империи.

Приведенный исторический факт позволяет скорректировать вывод Энгельса о возникновении государства, классов и классовой борьбы относительно момента разделения граждан по имущественным признакам (реформы Солона, Клифена, Сервия Туллия).

Полученные и приведенные выше результаты исследований по источникам [10, 12, 13, 14, 15, 16] позволяют полагать, что государство образовалось из первобытнообщинного строя через реформирование родового строя избираемыми управленцами до момента появления в обществе антагонистических классов. Т.е. государство, как политическое образование (по территориальному и гражданскому признакам) возникло раньше, чем в этом государстве возникли антагонистические классы эксплуататоров (владельцев крупных земельных угодий) и эксплуатируемых (крепостных крестьян). Действительно, группы разделенных по имущественным признакам граждан не являлись по отношению друг к другу антагонистическими классами (эксплуататорами и эксплуатируемыми). В Римской империи антагонистическая классовая борьба возникла много позже. Вначале земледелием занималось практически все население в лице членов семей. Позже, из-за появления в городах Римской империи пришлых граждан и граждан из разорившихся семейных хозяйств, наряду с традиционным крупным семейным земледелием существовало мелкое семейное земледелие и возникло арендное договорное земледелие.

Но и эта форма земледелия не остановила разорение мелких и арендных хозяйств из-за снижения урожайности и попадание в кабалу к ростовщикам. Поэтому члены убыточных хозяйств предпочитали менять местожительство в селениях на город, в котором не надо было трудиться

на земле и платить арендную плату и налоги из снижавшейся величины ренты (дохода). Как следствие, уменьшилась наполняемость казны. Стало быть, реформы по закреплению земледельцев к земельным участкам и ремесленников к местам кустарного наследуемого производства – было не чем иным, как административной попыткой римских императоров увеличить производство пищи, остановить снижение налоговых поступлений и обеспечить безопасность государства.

Т.о. феодальный классовый строй в Римской империи возник позже образования государства. Характеризовался этот новый строй закреплением крестьян и ремесленников к месту их проживания и земельным участкам, на которых велось земледелие, включая арендное земледелие по договору с владельцами крупных землевладений, ставших феодалами с момента введения крепостничества.

Т.е. реформы по закреплению земледельцев к земельным участкам и ремесленников к местам кустарного наследуемого производства из-за снижения производства пищи было произведено самим государством. И классы, как и возникшая между ними классовая борьба, возникли после мирного перехода семейного земледелия в феодальное земледелие.

Из приведенных обоснований следует, что в Римском государстве, включая его ранний (Древний Рим) и поздний (Римская империя) периоды, вначале царями (от Сервия Туллия), затем архонтами и императорами проводилось последовательное реформирование первобытно-общинного строя в государство. Уже после этого в создавшемся государстве произошло реформирование земледелия и кустарного производства с образованием антагонистических классов в виде крупных землевладельцев и закрепленных за ними земледельцами (крепостными крестьянами) и кустарями.

Этот вывод подтверждается и историей земледелия.

В Римской империи в период с I века до н.э. по I век н.э. развивалась аренда свободными гражданами земельных участков (на пять лет) у крупных землевладельцев. Арендаторы участков

назывались «*colonus*». О состоянии дел в земледелии того времени можно судить по исследованию (1885 г.) французского историка Фюстеля де Куланжа Н. Д. (1830 – 1889). Историк цитирует письмо Плиния Младшего: ««Меня удерживает необходимость сдать мои земли в аренду так, чтобы привести их несколько в порядок. Я должен заключить новые условия. Моим съемщикам, сроки контрактов которых только что истекли, я принужден был дать значительные льготы. Несмотря на это, они все же оказались не в состоянии расплатиться по обязательству, и недоимки их выросли очень высоко.... Дигесты со своей стороны упоминают о «сложении недоимок», которую приходится делать съемщикам при мало-мальски плохом урожае...Бедность арендаторов и затруднительность эксплуатации поместий привели повсюду к понижению цен на земли. Именье, о котором идет речь, которое раньше стоило 500000 сестерциев, теперь предлагается за 300000»» [17, С.14–16].

Из свидетельства Плиния Младшего следует, что по непонятным для того времени явлениям, у земледельцев наблюдались плохие урожаи и росли недоимки. При этом землевладельцы готовы были продать земли по значительно сниженным ценам.

Сам историк полагал: «Такое разорение мелких арендаторов в эпоху, которая может быть названа одной из самых благоденственных в истории человечества, кажется удивительным. Важно было бы определить социальные и экономические причины этого явления; но расследование этого предмета не входит в нашу задачу» [17, С. 17].

Отмеченная ситуация в земледелии в обозначенный период в Римской империи была повсеместной. Это подтверждается историческими фактами: «Прибавим, что такое положение вещей не составляло исключительную особенность Италии. Варрон сообщает, что оно повторяется во многих провинциях. Он указывает Иллирию, Азию, Египет» [17, С. 19].

В примечаниях к первой главе книги историка редактор перевода пишет: «³¹ Это – одна из важнейших проблем истории римского землевладения, которая в свою очередь является ныне одним

из важнейших предметов научного изучения социальной истории древности и связей, соединяющих ее с новой Европой. (*Прим. редактора перевода*)» [17, С. 29].

К сожалению, исследование отмеченного феномена разорения не удалось обнаружить в современной литературе. Тем не менее, можно полагать, что именно этот факт несостоятельности арендаторов земель в Римской империи привел к перерастанию арендных отношений между отдельными земледельцами с землевладельцами во всеобщий колонат, как институт крепостного права, пришедшего на смену арендному земледелию.

Но реформы Диоклетина в IV веке о закреплении крепостного права не предотвратили снижения производства пищи в Римской Империи. В конечном счете, это привело к массовому голоду граждан, к снижению налоговых поступлений, к снижению могущества и к распаду государства на множество мелких феодальных государств.

Приведенные исторические факты позволяют предположить, что поведение производства пищи в Римской империи определялось не только социально-экономическими причинами, а каким-то образом было связано с сущностью природных явлений.

Если это так, то в «Политической экономии», как науке о производстве и распределении полезностей, кроме выявленных Морганом, Энгельсом и Марксом особенностей социально-экономического порядка, должны быть учтены и неизвестные создателям «Политической экономии» природные явления.

Это предположение опирается на мнение Маркса, приведенное Энгельсом в «Предисловии» к «Антидюрингу». Энгельс отметил: «Высокую оценку роли естественных наук дал Маркс, когда в подготовительных работах к «Капиталу», относящихся к 1863 г., он отметил, что естествознание «образует основу всякого знания»» [9, С. XIV].

Поскольку, «Политическая экономия» относится к «знанию», добываемому человеком об экономическом организме, то естествознание, к которому относится и отрасль знания о произрастании растений, как знание, согласно мысли

Маркса, вполне может быть частью знания о производстве такой наиважнейшей категории для человека, как растительная пища.

Косвенно значение естественных наук для политэкономии подтверждается возросшим интересом Маркса и Энгельса именно к естественным наукам: «Глубокий интерес к естественным наукам проявляли в равной степени и Маркс, и Энгельс. Но между ними существовало своеобразное разделение труда. Маркс глубже знал математику, а также историю техники и агрохимию; вместе с тем он занимался физикой, химией, биологией, геологией, анатомией и физиологией; в отличие от Энгельса он больше изучал математику и прикладное естествознание. Энгельс глубже знал физику и биологию; вместе с тем он занимался математикой, астрономией, химией, анатомией и физиологией; в отличие от Маркса он больше изучал теоретическое естествознание» [9, С. XIV–XV].

Прямым доказательством интереса Маркса к агрохимии, как науке, является его мнение относительно земледелия и исследований ученого химика Либиха: «...всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву, всякий прогресс в повышении ее плодородия на данный срок есть, в то же время, прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия ...Выяснение отрицательной стороны современного земледелия, с точки зрения естествознания, представляет собой одну из бесмертных заслуг Либиха. Его экскурсии в историю земледелия, хотя и не свободные от грубых ошибок, тоже проливают свет на некоторые вопросы. Можно только пожалеть, что он отваживается наобум высказывать такие мнения, как следующее: «Распыление и частое вспахивание усиливают обмен воздуха внутри пористых частиц земли, увеличивают и обновляют ту их поверхность, на которую должен воздействовать воздух; но легко понять, что увеличение урожая не может быть пропорциональным труду, затраченному на поле, что, напротив, урожай возрастает в много меньшей пропорции»» [6, Т.1, С. 515].

Не трудно убедиться в выдающейся интуиции Маркса относительно ведения земледелия капиталистом. Вклад последнего в прогресс *«повышения плодородия на данный срок есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия»*. Одновременно, Маркс считает мнение Либиха, – «увеличение урожая не может быть пропорциональным труду, затраченному на поле, что, напротив, урожай возрастает в много меньшей пропорции», – мнением, высказанным наобум.

Необходимо отметить, что интуиция Маркса относительно размышлений о плодородии на тот период не могла привести к научно-обоснованным выводами из-за отсутствия знаний о сущности феномена естественного почвенного плодородия.

В то же время, Маркс необоснованно критиковал Либиха за его мнение о непропорциональности между урожаем и затраченным трудом. Ведь Либих высказал эту точку зрения, опираясь, как ученый, на опытные факты, замеченные политэкономистами – предшественниками Маркса. Маркс же стоял на точке зрения трудовой теории стоимости, недостаточность обоснования которой была отмечена самим Марксом [6, Т. 25, Ч. 2, С. 383].

Стало быть, вопрос о выявлении возможной связи между происходившими в экономическом организме Римской империи процессами и сутью каких-то, то ли общественных, то ли природных явлений, является актуальным.

Вполне ясно, что разрушение Римской империи, есть следствие процессов, происходивших в «социально-экономической форме» этого государства. Но, как отмечал Маркс, «при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции» [6, Т. 23, С. 6].

К сожалению, учитывая нерешенность проблемы в течение более 1600 лет [17, С. 29], одной силы абстракции оказалось недостаточно. Поэтому придется уточнить связи между категориями политэкономии [4, 5] и фактом снижения урожая в Римской Империи.

Известно, что Маркс, уделяя особое внимание производительным силам общества, полагал, что «...производство продуктов питания является самым первым условием жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще...» [6, Т. 25, Ч. 2, С. 184]. Учитывая это, можно полагать, что устойчивость экономического организма определяется степенью воспроизводства уровня его производительных сил. В данном случае, под производительными силами общества понимается «Система субъективных (*человек*), вещественных (*техника*), общественных (*экономическая формация, как способ производства благ*) и объективных (*еда*) элементов» [18].

Исследование эпохи Римской империи

Опираясь на приведенное определение производительных сил, можно считать, что в экономическом организме Римской империи воспроизводство производительных сил напрямую было связано с количеством пищи, производимой в ней. Поскольку пища выращивалась в земледелии, постольку для нас являются важными сведения о его ведении в Римской империи. Об этих правилах, сложившихся к началу Новой Эры, повествуется в сочинениях римских авторов о сельском хозяйстве [19].

Кратко эти правила сводятся к применению трехпольной системы с выведением из оборота полей с низким плодородием, к применению севооборота, к вспашке и боронованию земли перед внесением семян, уходу за посевами, сбору урожая, его хранению и распределению. В качестве приемов по поддержанию или повышению плодородия рекомендовалось использование почвы с более плодородных участков, использование извести, золы, заправки трав, внесение навоза и компостов (смесь навоза с растительными остатками) [20, С. 163].

Однако, как мы уже знаем из истории Римской империи, указанные приемы в последние четыре столетия существования Римской империи, не предотвратили разорения колонов – арендаторов. Не спасло и введение крепостной системы – повсеместно в Римской Империи стали расти недоимки у земледельцев из-за снижения урожая. Как след-

ствие – в городах хлеба становилось все меньше и меньше, что привело к голоду городского населения и снижению его численности вместе со снижением военной мощи Римской империи.

Здесь необходимо учесть исследования Маркса относительно земледелия. Так, Маркс пишет: «С развитием естественных наук и агрономии изменяется и плодородие земли, так как изменяются средства, при помощи которых элементы почвы делаются пригодными для немедленного использования» [6, Т. 25, Ч. 2, С. 330]. Далее Маркс считает, что «Земля, напротив, постоянно улучшается, если правильно обращаться с ней» [6, Т. 25, Ч. 2, С. 343].

Но мы уже знаем, что земледелие в Римской империи велось в соответствии с теми приемами, которые отличались от приемов, разработанных со времен Либиха тем, что в Римской империи искусственных химических веществ вносилось меньше, чем в XIX веке рекомендовал их вносить Либих. По поводу этих приемов Маркс, имея в виду работы Либиха, писал: «Однако два земельных участка с одинаковым химическим составом почвы и, в этом смысле, одинакового естественного плодородия, могут быть различны по своему действительному эффективному плодородию в зависимости от того, находятся ли эти питательные вещества в более или менее усвояемой форме, в зависимости от формы, которой определяется большая или меньшая непосредственная пригодность этих веществ для питания растений. Таким образом, отчасти от развития агрохимии, отчасти от развития механизации земледелия зависит, в какой степени на земельных участках одинакового естественного плодородия последнее может быть действительно использовано» [6, Т. 25, Ч. 2, С. 202].

Согласно приведенным умозаключениям Маркса, снижение производства пищи в Римской империи можно было бы усмотреть в недостаточном количестве вносимых в почву минеральных веществ, вынесенных из почвы урожаем в предыдущем году.

И с этим можно было бы согласиться, если бы не замечание Буссенго, которое Либих не привел в своем труде [21].

Буссенго же писал: «Если бы Либих был прав, то какими жалкими глупцами представлялись бы все мы, земледельцы. Зачем вывозим мы длинные вереницы возов навоза, затрачивая на это силы рабочих и лошадей, когда можно было бы воспользоваться этим навозом, эту солому как топливом и небольшую кучку золы вывезти в поле на ручной тачке? Но спросим растение, согласно ли оно с мнением Либиха, вывезем в одно поле навоз, а в другое его золу. Ответ растения будет не в пользу гениального химика. Растение ответит, что оно нуждается и в азоте навоза, а не в одной его золе» [22].

Необходимо отметить, что Буссенго, проводя в начале 19 века различные опыты с растениями и почвой, установил, что основными минеральными веществами растений являются соли азота N, соли калия K и соли фосфора P. К этому времени ни ему, ни Либиху не был известен механизм появления в почве указанных солей в доступной для растений форме. При этом было известно, что азот N составляет $\approx 78\%$ от состава атмосферы и является инертным газом. Т.е. растения не могут использовать азот из воздуха.

Через сто лет после этого, усилиями десятков исследователей было выявлено, что в жизни растений играют весьма важную роль более 40 микроэлементов [23]. А академик АН СССР В.И. Вернадский вообще полагал, что в жизни растений участвует большая часть веществ таблицы Д.И. Менделеева.

Т.о. снижение урожайности можно было бы объяснить отсталостью в Римской империи естественных наук и агрономии, уровень которых лишь в XIX веке привел к развитию агрохимии, рекомендовавшей возвращать в почву питательные вещества из сторонних источников. Но, что не исключено, были и совершенно иные причины.

Таким образом, либо в Римской Империи агрономия была отсталой из-за внесения малого количества питательных веществ, либо в I–IV веках в земледелии снижение урожайности было связано с иными причинами естественного порядка.

В 1999 г. в Башкирском научно-инженерном центре (БИЦОР), после изучения основ ведения земледелия и экономики сельского хозяйства было

выявлено, что урожайность «у» весьма специфически зависит от разных факторов земледелия. Она определяется не суммой факторов (многофакторной регрессией), а определяется произведением безразмерных факторов [24]:

$$y = k \cdot \Phi_1 \cdot \Phi_2 \cdot \dots \cdot \Phi_n, \quad (1)$$

где k – коэффициент соответствия (средняя урожайность на целинных землях с определенным типом почвы в первый год выращивания), ц/га,

Φ_n – безразмерные величины факторов, определяемые как отношения текущей величины фактора к его максимально возможной величине.

Одним из таких факторов является фактор почвенного плодородия.

Поскольку в Римской Империи из опыта ведения земледелия было известно, что урожайность сельскохозяйственных культур снижалась из-за вполне ясного на тот период снижения плодородия земли, то выражение (1) есть не что иное, как производственная функция, определяющая урожайность в любую историческую эпоху.

Одновременно с выявлением производственной функции в земледелии было установлено, что естественное плодородие почв в сельском хозяйстве не есть «химический состав почвы», как это полагал Либих, а за ним и Маркс. Естественное плодородие почвы определяется динамическим естественным процессом появления в почве усвояемых для растений питательных веществ из неусвояемой их формы. И этот процесс определяется степенью возврата органического вещества урожая, полученного в текущем году, на те поля, с которых убран урожай [25]. К сожалению, в Римской империи этого знания еще не было. И хотя агрономы Древнего Рима и Римской империи использовали для удобрения полей перепревший навоз, его количества и качества не хватало для воспроизводства почвенного плодородия. Дело в том, что на время выращивания урожая навоз скапливали в кучах. Но в навозе, лежащем в куче, органическое вещество разлагается на углекислый газ и воду [26]. Поэтому к моменту внесения на поля компоста (перепревшего навоза) в этом компосте исходных форм органического вещества практически не было. Как это сказыва-

лось на урожае легко понять из выявления связи между органическим веществом урожая и поведением естественного почвенного плодородия полей, с которых убран урожай.

В природе, в отличие от сельскохозяйственных полей, урожай (травы, дикие злаки, листья с кустарников и деревьев, фрукты, дикие овощи, лепестки цветов и пр.) создается растениями благодаря фотосинтезу (усвоению углекислого газа) и потреблению из почвы минеральных веществ в виде более 40 растворимых солей различных химических элементов. Однако известно, что химические элементы находятся в почве (почвенном поглощающем комплексе) в виде нерастворимых в воде солей [27]. И это вполне объяснимо. Если бы в почве соли находились в растворимой форме, то рано или поздно, благодаря дождям, растворимые соли из почвы вымылись бы, и никакие растения не могли бы расти на почвах. Значит, что-то содействует переводу нерастворимых солей в растворимую форму. И инертный азот воздуха как-то появляется в почве.

Механизм попадания азота воздуха в почву стал ясен после открытия в 1893 г. великим русским биологом А.Н. Виноградским азотфиксирующих бактерий [28].

Переводом нерастворимых солей почвы в усвояемые для растений соли занимаются живые организмы, находящиеся в почве. Совокупность живых организмов почвы называется биотой. Масса биоты, находящейся в почве, достигает до 20 т на 1 га.

В целом процесс перевода солей называется «биологической мобилизацией» [29].

Приведенные сведения носят частный характер. Но все вместе эти сведения позволяют выявить весьма важное общее явление, лежащее в основе естественного почвенного плодородия. Для понимания сущности этого явления нам придется пройти путь «восхождения от частного к общему» [8, С. 5].

Создаваемая ежегодно природой растительность (травы, злаки, листья деревьев и кустарников, фрукты, овощи, ягоды и пр.) представляет собой совокупный урожай.

Вполне ясно, что этот урожай употребляется наземными и живущими в почве животными. Далее, употребленный животными урожай превращается в продукты метаболизма животных. И эти продукты метаболизма, в весовом соотношении, составляют от употребленного урожая более 90%. Остальная часть возвращается на почву в виде тел умерших животных.

Таким образом в природе наблюдается непрерывный циклический процесс трансформации органического вещества O_1 почвенных организмов (биоты), органического вещества растений O_2 , органического вещества животных O_3 и органического вещества продуктов метаболизма O_4 . И этот природный процесс можно назвать естественным законом круговорота органического вещества [30].

С момента попадания продуктов метаболизма O_4 на почву они употребляются почвенными микроорганизмами (O_1) для обеспечения их деятельности по биологической мобилизации минеральных веществ из нерастворимой формы в растворимую [29].

Кроме этого, при употреблении биотой почвы (органическое вещество O_1) продуктов метаболизма O_4 в воздух выделяется углекислый газ, иные газы и возвращается в почву весь спектр питательных элементов.

Следовательно, естественное почвенное плодородие определяется не статическим нахождением в почве солей в усвояемой для растений форме, как это полагал Либих, а за ним и Маркс. Естественное почвенное плодородие определяется непрерывной биологической мобилизацией солей из нерастворимой формы почвенного поглощающего комплекса в усвояемую для растений форму всего многообразия питательных веществ.

Т.о., естественное плодородие почвы в природе поддерживается благодаря круговороту органического вещества. Вполне ясно, что ни в Римской империи, ни в XIX веке (Либих [21]) этого не было известно.

Как следствие в Римской империи из-за компостирования навоза исключался возврат органического вещества (O_4) в почву. В результате

биота почвы полей не получала необходимого ей питания. Стало быть, общее количество живых организмов в почве сельскохозяйственных полей год от года уменьшалось. Вместе с этим уменьшалась и биологическая мобилизация минеральных веществ по их переводу из неусвояемой формы в усвояемую форму. Поэтому в Римской империи с течением времени естественное почвенное плодородие уменьшалось. Вместе с этим, падала и урожайность полей.

Императоры Римской империи полагали, что раз в прошлом рекомендации древних агрономов способствовали хорошей урожайности, то причина низких урожаев в более поздние времена связана с земледельцами, которые отлынивают от работы и стремятся поселиться в городе, где Римские императоры устраивают бесплатную раздачу хлеба.

Такие размышления приводили к необходимости действий, которые как бы могли способствовать стабилизации производства продукции в сельском хозяйстве. Стало быть, введение крепостничества в Римской империи – есть управленческая мера, вызванная необходимостью при отсутствии знаний о природе естественного почвенного плодородия.

В результате управленческая реформа в Римской империи по совершенствованию организации земледелия привела в государстве, дополнительно к классу собственников земли, создание класса крепостных крестьян.

Поскольку предпринятое императорами Римской империи реформирование (введение крепостничества) не привело к росту производства пищи, постольку первое феодальное государство (Римская империя) теряло свою мощь и не выдержало борьбы с варварскими племенами.

После крушения Римской империи варварские племена, обученные на примере Римской империи основам государственного устройства, создали множество государств из провинций Римской империи. И все эти государства с момента их возникновения уже стали государствами феодальными.

Последующее образование союза феодальных государств в Священную Римскую империю (с 962

по 1806 годы.) ничего принципиального в ведение земледелия не внесло. И Священная Римская империя распалась по тем же самым причинам, что и Римская империя.

Таким образом, гибель Римской империи была обусловлена тем, что земледелие в империи велось по агрономическим правилам, выводящим из круговорота органическое вещество урожая. Таким производством пищи в экономическом организме Римской империи нарушалось воспроизводство естественного почвенного плодородия, что приводило к снижению урожайности и росту недоимок в земледельческих хозяйствах.

Снижение урожайности и рост недоимок приводили к снижению воспроизводства производительных сил и мощи Римской империи.

Но «нарушение воспроизводства естественного почвенного плодородия» – это слишком сложная для понимания абстракция. Сказать, что суть нарушения заключалась в неправильном хранении навоза – не значит назвать точную причину. Таковой причиной гибели Римской империи являлся обозначенный факт нарушения в земледелии природного явления (закона) круговорота органического вещества.

Следствием нарушения именно этого естественного закона явилось уменьшение количества производимой в Римской империи пищи. Но пища, по Марксу, «является самым первым условием жизни» [6, Т. 25, Ч2, С. 184]. Стало быть, закон круговорота органического вещества является не только естественным законом, но особым, по Энгельсу, законом, который необходимо применять в исследовании производства на любой ступени общества.

Исследование эпохи Российской империи

История земледелия, как главной отрасли производства полезности в России в XVI веке, детально описана выдающимся ученым-историком и политическим деятелем, членом ЦК РСДРП, большевиком – меньшевиком Рожковым Николаем Александровичем (1868 г. – 1927 г.). В 1899 г. он защитил диссертацию «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.», написанную под руководством историка В.О. Ключевского [31].

Диссертация основана на изучении старинных писцовых книг и содержит сведения о сущности земледелия на Руси, об отношениях государства, земледельцев, собственников земли и обстоятельствах, приведших к возникновению крепостничества.

В 1900 г. Н.А. Рожков на основе диссертации написал статью, дающую яркое представление о сельскохозяйственном производстве в средневековой России [32].

Историк пишет: «Каких бы историко-философских или социологических воззрений ни придерживался тот или другой историк или вообще интересующийся историей человек, он не может не признать чрезвычайной важности изучения истории народного хозяйства. Всего более значения эта последняя имеет, несомненно, в глазах тех, которые, будучи сторонниками материалистического понимания истории, выдвигают на первый план экономический элемент, как основу всего общежития» [32, С. 1].

«Не предстанут ли некоторые, все еще недостаточно объясненные явления социально-политической жизни XVI века в новом свете, когда мы ознакомимся с экономическим бытом того времени? Поскольку, далее, хозяйственные явления отразили на себе действия социальных и политических? Достаточно поставить себе эти вопросы, чтобы понять их важность, а, следовательно, и необходимость исследования хозяйственной жизни русского народа в XVI столетии. Самым важным элементом этой хозяйственной жизни было тогда хозяйство сельское. Его изучение занимает, поэтому, центральное место в предстоящей научной работе» [32, С. 2].

Здесь необходимо заметить, что ко времени написания статьи политическая экономия, как наука о производстве и распределении полезностей (благ, стоимостей), была не только изложена в большом количестве политэкономий экономистов XVI – XX веков, но и подвергнута критике Марксом в «Капитале», три тома которого были изданы до написания статьи Н.А. Рожковым. Однако Н.А. Рожков не производит каких-либо ссылок на экономические работы того времени.

Между тем, вполне ясно, что экономические явления русской старины каким-то образом должны были бы быть связаны с экономическими исследованиями в рамках политической экономии. Вместо этого, историк предлагает свои интерпретации произошедших в России XVI века явлений. При этом используемая им терминология для описания процессов производства сельхозпродукции вполне ясна. Однако Н.А. Рожков не доходит до границы научного понимания земледелия с использованием достижений агрохимии, которую вполне отчетливо описывает Маркс (1869 г.) в первом томе «Капитала» со ссылкой на учение Либиха. Н.А. Рожков пишет: «Если бы сельскохозяйственная промышленность в XVI в. определялась в своем развитии одними только условиями климата и почвы, то она должна была бы развиваться в точном соответствии с только что указанной градацией естественных областей страны: чем благодатнее климат и плодороднее почва, тем более процветало бы и сельское хозяйство. Ближайшее изучение материала указывает, однако, что такого соответствия не было» [32, С. 4].

Историк отмечает, что к XVI веку в России сложилось четыре основные системы земледелия: подсечное (огневое), переложное, паровое-зерновое, плодосменное. Каждому из них в статье дается определение и отмечается, что постепенно в земледелии для восстановления «производительных сил земли» начинают использовать запашку зеленых удобрений, навоза и искусственных удобрений (фосфоритов). Однако, как и в Римской империи, в земледелии центральных районов Московской Руси историк указывает: «...в последнее тридцатилетие XVI века замечается регресс в полевом хозяйстве, крайний, резко выраженный упадок земледелия. Это – основной факт, требующий надлежащего объяснения» [32, С. 6].

Как и в Римской империи, земледелие в XVI веке в Московском государстве постепенно сводится к аренде: «Характерно, что соответственно росту барской запашки к концу века увеличивалось и число случаев крестьянской барщины; однако, последняя вообще была мало распространена в XVI веке, и обыкновенно крестьяне арендовали землю,

обязуясь платить землевладельцу оброк деньгами или натурой (хлебом)» [32, С.10].

Упадок в земледелии сопровождался изменениями в обложении крестьянских хозяйств податными окладами (налогами): «...в начале пятидесятих годов XVI века почти все натуральные повинности были переведены на деньги, чем и объясняется то обстоятельство, что в 50-х – 80-х годах податный оклад с сохи доходил до 1050 р., так что реального повышения податей сравнительно с более ранним временем не было; оно наступило только в восьмидесятих годах, когда с каждой сохи государство брало в виде налогов уже 3775 р. Итак, повышение налогов относится к тому времени, которое следовало за земледельческим упадком в Центре и Западном Полесье» [32, С. 13]

Описанные явления волнуют историка. Но вопросы об их причинах, исходя из сведений о величине пашни, аренде, налогах, смене участков, барщины остаются без ответов: «Необходимо, следовательно, сосредоточить теперь внимание на других сторонах жизни, выйти из пределов сельскохозяйственной промышленности в более широкую область общих экономических условий времени. Первое из этих условий – распределение населения и колонизация» [32, С.15].

Сопоставляя величины брошенных крестьянами участков (пустошей) и вновь освоенных (починков) в статье пишется: «Писцовые книги и грамоты сохранили следы сильного движения населения в этих областях: на прилив сюда населения указывает наличие большого количества починков, т.е. новых поселений, только что основанных на пустых местах; параллельно такому приливу замечен, однако, и отлив населения, как показывает значительное число пустошей, т.е. поселков, брошенных населением. Так, например, в Костромском уезде относительное количество починков немногим уступало числу пустошей» [32, С.15].

Далее историк обращает внимание на климатические условия и особенности черноземной почвы, торговую посредническую деятельность, занятие части населения в добывающей промышленности и производящей хлеб только для своих нужд, и даже занятие крестьянами «черным земледелием»

(на им принадлежащих участках земли), подвергавшимся прямому налогообложению.

Но причина по-прежнему не вскрывается. Фактически земледелие деградирует при любых формах землевладения: «Правительство в официальном документе – соборном приговоре 1581 года – открыто признало крайнее разорение монастырских вотчин, «запустошение» их монастырскими властями. Относительно поместного хозяйства имеем целый ряд актовых указаний: помещики разгоняют и грабят крестьян, вырубая лес, истощают землю, пашут ее «наездом», без всякой системы и порядка, не живут в поместьях, а сдают их в аренду посторонним людям, которые стараются извлечь для себя в возможно более короткое время наибольший доход из арендованной земли, не заботясь о сохранении ее производительных сил на будущее время» [32, С. 18].

Все эти особенности земледелия XVI века весьма похожи в РФ на сегодняшнее (XXI век) фермерское земледелие.

В дальнейшем историк в поисках причины бегства крестьян с родных мест на новые приходит к выводу о том, что «Изучение хозяйственного влияния поместной системы и монастырского землевладения и дает нам искомый ответ на вопрос о причинах важнейшего и оригинальнейшего явления в истории сельскохозяйственного производства и колонизации в Московском государстве XVI века: и монастырское землевладение, и поместная система вели к разорению» [32, С. 21].

Но это мнение выглядит не обоснованным.

Действительно, в этом можно убедиться, если переформулировать его размышление: «сложившиеся и регулируемые государством поместная и монастырская системы, как и черноземельная (мелкособственническая) форма, не вели к устойчивому земледелию».

Но «не вели», вовсе не обозначает причину разорения, ибо этому нет никаких прямых обоснований.

Далее, Н.А. Рожков утверждает: «Итак, самое оригинальное явление в сельскохозяйственной промышленности Московского государства XVI века – упадок земледельческого производства

в большей части Центральной области и Западного Полесья – объясняется переменами в распределении земельной собственности: господством поместной системы и монастырского землевладения, раздроблением крупных имений и развитием мобилизации» [32, С. 23].

Первая часть приведенного размышления («упадок земледельческого производства») является историческим фактом. Но объяснение этого упадка господством поместного и монастырского землевладения не обосновано.

Не обоснован и вывод: «Но тот же экономический процесс – разорение крупных и богатых землевладельцев – отразился губительно и на благосостоянии крестьянства» [32, С. 34].

Пока ясно одно – в XVI веке в Московском государстве в целом наблюдался упадок земледельческого производства во всех его организационных формах.

Как мы уже знаем, возникновение крепостного права в Римской империи было связано с отказом крестьян вести убыточное сельское хозяйство. Практически так же, как отмечено историком, это происходило и в Московской Руси.

Так, Н.А. Рожков пишет: «...крестьянин XVI века садился на землю, принадлежавшую служилому землевладельцу или церковному учреждению, не имея своего инвентаря: рабочих орудий, скота и семян. Это заставляло его прибегать к ссуде и подмоге со стороны землевладельца. Невозможность расплатиться с землевладельцем фактически лишала крестьянина права свободного перехода... Но такое же почти положение занимал, с конца XVI века, так называемый кабальный холоп; он должен был работать на господина вместо процентов на занятую им сумму, которую он не имел права уплачивать господину по закону: только это последнее обстоятельство, *юридическое* запрещение возврата ссуды отличало кабального холопа от крестьянина, не по закону, а *фактически* лишенного возможности расплатиться. Аналогия в положении обоих была настолько близка, что привела к мысли о возможности применить и к крестьянам идею кабального холопства. Мало-помалу землевладельцы стали вносить в порядные грамоты со сво-

ими крестьянами условие, которым крестьянин отказывался от права расплаты и ухода от землевладельца» [32, С. 32].

Из этих размышлений как бы следует, что институт крепостного закрепления крестьян за хозяйством возник из отношений между землевладельцем и земледельцем. С этим нельзя соглашаться, так как эти отношения касались малой части крестьян.

Но меньшее, не есть общее. В России в рассматриваемый период наблюдался общий упадок земледелия, в том числе, и в подавляющем большинстве крестьянских хозяйств иных форм. Например, ведущих черноземельное (облагаемое налогом) земледелие. Поэтому из-за упадка земледелия крестьяне покидали свои участки (образовывались пустоши), выросли налоги, и крестьяне организовывали новые поселения (починки). Это привело к уменьшению суммы налогов, поступающих в казну. Независимо от этих крестьян, кабальные холопы, как и крестьяне-арендаторы, так же пренебрегали своими обязанностями перед землевладельцами. Оба фактора привели в 1649 г. к изданию царем Алексеем Уложения о закреплении крестьян за определенными хозяйствами, что и явилось введением в средневековой России крепостничества на 1250 лет позже, чем оно было введено Диоклетианом в Римской империи.

Стало быть, главной целью крепостничества в России, как и в Римской империи, было не закабаление крестьянства, а благая цель – содействовать производству сельскохозяйственной продукции и воспроизводству налогообложения.

Мы уже знаем, что эта мера в Римской империи не привела к желаемому результату и империя в начале V века была разгромлена варварами.

России же, с 1649 г. предстояло пройти отрезок в двести лет, в течение которого стало ясно – крепостное право и в России также не привело к улучшению дел в производстве пищи. Но Россия, при этом, не была разрушена, хотя и была близка к этому.

Так, с 1845 по 1854 гг. произошло 348 крестьянских выступлений, а за последующие 6 лет (1855 по 1860 гг.) – 474 [33, pp. 557–558].

В связи с этим 30 марта 1856 перед дворянством царь Александр II выступил с обоснованием отмены крепостного права: «...было уже несколько случаев неповиновения помещикам. Я убеждён, что рано или поздно мы должны к этому прийти. Я думаю, что и Вы одного мнения со мной; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу» [35, С. 85].

Т.о. явление роста как брошенных, так и вновь осваиваемых участков свидетельствует об общей тенденции снижения почвенного плодородия вводимых в Московскую Россию в сельскохозяйственное производство земель. Как следствие, именно снижение естественного почвенного плодородия земель, как и в Римской империи, а не формы землевладения, привели к упадку земледелия и к последующему введению крепостничества, как акта, который должен был привести к повышению производства пищи и собираемости налогов.

Но в Римской империи к моменту введения крепостного права свободных от распашки земель не осталось, что и привело к снижению уровня воспроизводства производительных сил. В результате, Римская империя пала (истреблено население Рима).

В царской России крепостничество себя так же не оправдало. Но царская Россия не распалась. Этому послужили несколько причин.

Во-первых, в царской России к моменту правления Петра I (1672 г.–1725 г.) доля помещичьих крепостных крестьян во взрослом мужском населении достигла 55%. Лишь к 1817 г. она достигла 58% и упало в 1858 г. до 37% [34, р. 420;].

При этом известно, что в Российской империи согласно переписи населения 1857–1859 годов из 62,5 миллионов населения, в крепостной зависимости находилось 23,1 миллиона человек (обоих полов). Т.е. крепостничество затрагивало около половины сельского населения.

Во-вторых, в царской России к моменту отмены крепостного права было громадное количество свободной земли, не занятой под сельскохозяйственное производство.

В-третьих, размеры территории были недостаточны для покорения страны не только варва-

рами, но даже такой, весьма боеспособной армией, как армия Наполеона.

Тем не менее, недовольство русского народа крепостничеством достигло известного накала. В письме императору Я.И. Ростовцев писал: «... комиссии желали от всей души уравнивать интересы крестьян с интересами помещиков», но равновесия этого «доселе ещё не достигли» [35].

Тем не менее, 28 января 1861 г. Александр II на Госсовете заявил: «Повторяю, и это моя непрелюбимая воля, чтоб дело это теперь же было кончено... Всякое дальнейшее промедление может быть пагубно для государства» [36].

К этому времени крепостное право действовало лишь в центральной России. Ни в Сибири, ни в Азии, ни на Дальнем Востоке и Кавказе крепостного права не было. Но события в крестьянской среде вынудили царя отменить крепостное право.

Свое решение Александр II осуществил 19 февраля (3 марта) 1861 года в Петербурге подписанием Манифеста «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» [37].

Согласно Манифесту, крестьянам полагалось из принадлежавшей помещикам земли выделение наделов. Но за это крестьяне должны были рассчитываться отработкой барщины или оплатой в виде оброка. Однако отказываться от надела крестьянин не мог в течение 49 лет.

Одновременно с этим, созданным в 1837–1841 гг. по реформам графа Киселёва сельским общинам разрешалось выкупать усадьбы крестьян и полевой надел, а сами крестьяне могли отказаться от надела и получить от помещика бесплатно 0,25 от выкупаемого надела. В первом случае, земля переходила в собственность сельской общины.

Исторические сведения о результатах проведенной реформы изложены подробно в двух источниках [38, 39].

В первом из них указывается, что отмена крепостного права привела к уменьшению крестьянских наделов с 4,8 до 3,5 десятин, появлению разорившихся крестьян и ускорению обнищания крестьян [38, С. 45–46].

Во втором источнике приведено мнение царской комиссии (по анализу реформ) о том, что «Полевые земли, оставаясь без удобрения, истощаются с каждым годом всё более и более, чем объясняются отчасти неурожаем ...» [39, С. 7–8].

Однако для нас имеют особое значение статистические сведения о состоянии крупных землевладельческих хозяйств помещиков (феодалов) России от середины XIX века до начала XX века.

Так, известно: «... к 1 января 1859 г. у помещиков было всех имений 111.693. Из них было заложено в разных банках и у частных лиц 44.166 имений. На этих имениях еще тогда лежал долг в 425.503.061 руб. ... даже 7.107.184, три четверти всех ревизских душ ... К началу 1892 г. одним Дворянским банком выдано было уже 310,6 миллионов рублей, всеми акционерными – 305,9. Общая сумма долгов составляла уже в это время 1058 миллионов рублей» [40, С.136 – 137].

Приведенные статистические данные изложены в 1912 г. (до создания СССР) и здесь будет неуместным сваливать на предполагаемую недобросовестность коммунистической пропаганды.

Эти данные говорят о том, что в России ведение земледелия становилось весьма убыточным делом даже для крупных землевладельческих хозяйств.

Но правительство России, как ранее в Римской империи, было вынуждено изыскивать способ удержания производства пищи на должном уровне. Воспользоваться опытом по реформированию земледелия в Римской империи в России не могли, ибо Римская империя прекратила свое существование до отмены в ней крепостного права. Поэтому, в России отмена крепостного права в 1861 г. выглядела как бы вполне логичным действием. Однако, как следует из приведенных данных, долги крупных землевладельцев с 1861 г. по 1892 г. в России возросли более чем в два раза.

Т.е. рост убыточности сельского хозяйства, несмотря на реформы российского правительства, продолжался.

Мало того, известно, что 1901 год в России был неурожайным. К весне 1902 г. крестьянским семьям стал угрожать голод. Выросшее до крайних пределов напряжение привело к возникновению

в европейской части России массовых выступлений крестьян, получивших название «Крестьянское восстание 1902 г.».

Крестьяне разграбляли и жгли усадьбы помещиков. Вначале восстали 40 тысяч крестьян из 337 сел Харьковской и Полтавской губерний. Затем в протесты перекинулись на Киевскую, Орловскую, Черниговскую, Курскую, Саратовскую, Пензенскую, Рязанскую губернии [41].

Известно, что 9 января 1905 года началась первая русская революция (1905–1907 гг.).

Не предотвратило российское земледелие от дальнейшей деградации и реформа (1906 г.) Столыпина о превращении крестьян (через ссуды в земельном банке) в мелких капиталистических собственников с их отрывом от сельской общины и скупке земель у помещиков с перепродажей крестьянам.

Однако, реформа Столыпина не привела к каким-либо положительным результатам: *«На территории 12 уездов, где реформа имела наиболее заметные результаты, из 17567 хозяйств оказалось 3384 (19,3%) «опавших» и выбывших из учета. Среди оставшихся на учете 2607 хозяйств не имели рабочего скота, 2364 сдавали свою землю в аренду. Способными наладить рациональное производство были признаны лишь 2315 (16,3%) хозяйств»* [42].

Сопоставляя эпоху Римской империи с событиями XIX века в России не трудно убедиться, что введение крепостного права в Римской империи и в России было обусловлено совпадающими по сути причинами – снижением урожаев и заботой императоров о благополучии империй.

В России XIX века, как при наличии крепостного права, так и после его отмены, снижение почвенного плодородия продолжалось. Стало быть, отмена крепостного права не предотвратила снижение доходности крестьянских хозяйств (на выкупных мелких наделах).

Ни к чему положительному не привели и реформы Столыпина – в сельском хозяйстве рост убытков продолжался.

Другими словами, реформы правительства России с 1649 г. по 1907 годы не предотвратили

снижения убыточности сельского хозяйства. И на арену истории вышли законы социально-экономического развития, вскрытые наукой «Политическая экономия».

По развитой в ней теории рассматриваемая ситуация в России описывается производственными отношениями между крупными земельными собственниками и крестьянами. Правительство России, как посредник между ними, не смогло урегулировать противоречия. Т.е. вполне ясно, что эти производственные отношения (феодальные) начали жестко сдерживать развитие производительных сил, которыми, по определению, на тот период являлось крестьянство и рабочий класс России. Крестьяне испытывали возрастающую нужду и находились в этот период на краю голодной смерти. Рабочие находились в такой же ситуации. Следовательно, как полагал Маркс: ««На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, ...с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [43, С. 7].

В.И. Ленин, анализируя ситуацию 1902 ÷ 1907 гг., пришел к выводу, что: «Для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде» [44].

Поскольку реформы самодержавия в период 1649 г. по 1907 не смогли предотвратить убыточности сельского хозяйства, постольку в России Февральская революция стала неизбежной. Сила угрозы голода объединила россиян в совершении революции.

Как известно, Временное Правительство, пришедшее на смену царскому правительству, так же не справилось с решением продовольственного вопроса. Поэтому вслед за Февральской революцией произошла Октябрьская Революция.

Между тем вполне ясен вопрос: «В чем причина того, что в России в течение трех-

сот лет наблюдался рост убыточности сельского хозяйства?». Ответ, с учетом приведенных результатов исследования сельского хозяйства в Римской империи, – ясен. И в Римской империи, и в России в сельском хозяйстве выводилось из круговорота органическое вещество урожая. Это приводило к снижению естественного почвенного плодородия. Значит, сущностной причиной роста убыточности хозяйств явился факт нарушения в земледелии России природного явления (закона) круговорота органического вещества.

Исследование эпохи СССР

Временные рамки эпохи СССР ограничиваются 1922 г. (образование СССР) и 1991 г. (год заключения Беловежских соглашений о ликвидации СССР) [46, 47].

При исследовании эпохи Римской империи и Российского государства на предмет расхождения науки «Политическая экономия» с практикой этих государств было вполне ясно, что для этой цели вполне было достаточно воспользоваться положениями политэкономии, изложенными Марксом и Энгельсом в их трудах, опубликованных в период с 1858 г. по 1910 г.

Но относительно СССР представляется необходимым обозначить вопросы о положениях политэкономии, которые могли быть введены или уточнены в связи с осмыслением практики строящегося в СССР нового общества.

До 1922 г. среди политэкономистов было общепринято, что новый экономический строй обеспечит максимально возможное развитие производительных сил через замену частной собственности на средства производства на общественную собственность. Это означало, что при общественной собственности на средства производства прибавочная полезность, производимая в экономическом организме, ранее присваиваемая частными владельцами средств производства, пойдет на развитие производительных сил. В результате, человеческое общество будет развиваться более быстрыми темпами, что приведет к росту благосостояния каждого из строителей нового общества.

Стало быть, в политэкономии нового строя должны были быть подтверждены, как предсказания политэкономии марксизма, так и быть отражены те особенности хозяйственного строительства, которые не могли быть учтены в прежней политэкономии из-за отсутствия исторической практики или вновь полученного научного знания.

И такая потребность в СССР осознавалась и была отражена на государственном уровне при обсуждении аграрных вопросов в 1929 г.: «...надо признать, что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли. Между тем необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма...»

Известно, что теория, если она является действительно теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела.

Все это имеет, – и не может не иметь, – громадное значение в деле нашего социалистического строительства. Беда в том, что мы начинаем хромать именно в этой области, в области теоретической разработки вопросов нашей экономики» [47].

Приведенные факты позволяют полагать, что к 1929 г. (в течение 7 лет после образования) в СССР стала проявляться потребность в научном (теоретическом) осмыслении строительства социализма. Но сам по себе социализм не обозначает смену экономического организма одного вида на экономический организм другого вида. Сам по себе экономический организм как при феодальном и капиталистическом способе производства, так и при социализме, остается экономическим организмом по производству полезностей. И таких полезностей при социализме должно производиться не меньше, чем их производилось при капитализме. Лишь иное распределение этих полезностей при социализме должно было автоматически приводить к более интенсивному развитию производительных сил, которое при капитализме

тормозилось употреблением прибавочной стоимости узким кругом лиц – частными собственниками средств производства.

По Марксу: «...производство продуктов питания является самым первым условием жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще...» [6, Т. 25, Ч. 2, С. 184].

Общее количество этих продуктов (полезностей), как и их прибавочная часть (прибавочная полезность, прибавочная стоимость) на период с 1922 г. по 1991 г., как было принято в политической экономии, определялась трудом и прибавочным трудом:

- «Стоимость – это труд. Поэтому земля не может создать прибавочной стоимости» [6, Т. 25, Ч. 2, С. 381]
- «эта прибавочная стоимость может состоять только из избытка труда, отдаваемого рабочим» [48, Т. 26, ч. 1, С. 14].

Но эти положения политической экономии одновременно принимались экономистами за часть экономической теории.

При таких обстоятельствах, необходимо сопоставить практику социализма с политической экономией.

Известно, что к концу 1920 г. из 22 847 916 десятин нетрудовых земель в распоряжение крестьянства поступило 21 407 152 десятины (колхозам – 391 614 дес., совхозам – 1 049 150 дес.), что увеличило площадь крестьянских земель с 94 720 628 десятин до 116 127 780 дес., то есть с 80% до 99,8% от общей площади всех удобных земель (данные Центрального Управления Землеустройства) [49, Глава VII].

Стало быть, в 1922 г. из 116 127 780 дес. лишь 1 440 764 дес. (менее 1%) могло отдавать излишки на нужды городского населения. Остальная площадь (более 99%) была в руках единоличников. Про них А.В. Чаянов писал: «Немудрено поэтому, что многие из наших особенно молодых товарищей, ...трясая ноябрьским дождливым вечером на крестьянской телеге по непролазным дорогам от какого-нибудь Знаменского через Бузаево к какому-нибудь Успенскому, всюду встречая бездорожье, бедность и безразличие крестьян, сидящих на небольших чересполосных наделах и

с исключительно чисто мелкобуржуазной тупостью замыкающихся в свои карликовые ячейки» [50, С. 247] ».

Эта картина практического социализма дополняется тем, что 21 марта 1921 г. (до создания СССР) в России была введена Новая Экономическая Политика НЭП, по которой вместо продразвёрстки (забирали у крестьян 70% зерна) был введён продналог (крестьяне сдавали от 20 до 30% зерна) и была разрешена рыночная торговля.

Учитывая изложенное, нетрудно заметить, что к 1922 г. СССР попал в любопытную ситуацию. 99% земли в РСФСР было роздано крестьянам и на этой земле пища производилась крестьянами.

При этом, согласно приведенным выше положениям экономической теории, принятой в РСФСР, а в последующем и в СССР, все зерно, как производимое благодаря труду крестьян, должно было принадлежать крестьянам.

На практике же, руководство РСФСР было вынуждено согласиться с продразверсткой Временного правительства, а в последующем, провозгласить НЭП. Иначе правительство большевиков было бы свергнуто (голод не тетка, а руководство к действию).

Т.о. принятые экономические положения в указанный период явно не соответствовали практике социализма.

Из сопоставления событий в Римской империи с той же самой экономической теорией мы уже знаем, что производимая в сельском хозяйстве полезность (стоимость) в виде урожайности «у» определяется не трудом, а производением факторов (см. выражение 1):

$$y = k \cdot \Phi_1 \cdot \Phi_2 \cdot \dots \cdot \Phi_n.$$

Среди этих факторов в виде безразмерных величин Φ_n (отношение текущего значения к максимально возможному значению материального фактора) входят фактор труда, фактор почвенного плодородия, фактор налогового бремени, учитывающий защиту государством мирного труда крестьянина и иные факторы, максимальная величина которых в идеальном случае равна «Единице». При этом частный собственник земли действительно никакого предметного участия

в производстве полезности не принимает, что исчерпывающе обосновано Марксом в третьем томе «Капитала» [6, Т. 25, ч. II, С. 390 – С. 392]. Т.е. не существует фактора, отражающего зависимость производства от института «частная собственность на землю»

Стало быть, полезность, в нашем случае, пища, сводимая к производству условной зерновой единицы, определяется не трудом, а произведением факторов. Из этого следует, что и прибавочная стоимость, которую при социализме (в РСФСР) производили крестьяне на розданной им земле, определялась не прибавочным трудом крестьян РСФСР, как полагалось в экономической теории, а определялась произведением факторов. Это обозначает, что производимое в РСФСР прибавочное зерно (по сути, земельная рента), оставшееся после употребления крестьянами на собственные нужды должно было делиться и на крестьян-производителей, и на нужды государства. При таком вполне ясном теоретическом положении, экономистам РСФСР (в последующем, экономистам СССР) оставалось бы просто рассчитать земельную ренту и поделить ее на ВСЕХ граждан СССР.

Учитывая, что производственная функция вскрывает неверность положений принятой в РСФСР экономической теории, как бы отражающей социализм в СССР, можно понять, что само наличие таких положений являлось существенным препятствием к развитию экономической теории на соответствие практике построения социализма.

В то же время, положения теории социализма о снятии оков с развития производительных сил, было верным. Народ, благодаря замене частных интересов на коллективные и направление средств от частного потребления в общественный сектор, получил возможность повысить уровень образования на всех ступенях (от школьного до высшего). Это позволило образовать кадры для энергетической, металлургической и машиностроительной отраслей. Помогло и кратковременное введение НЭП с последующим осознанием необходимости коллективизации по статье Ленина «О кооперации» [51].

В статье Ленин писал: «Мы перегнули палку, переходя к нэпу, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к нэпу, в том отношении, что забыли думать о кооперации, что недооцениваем теперь кооперацию, что начали забывать уже гигантское значение кооперации в указанных выше двух сторонах этого значения» [51, С. 372]

Вместе с тем, успехи в строительстве социализма были налицо. Страна выдержала раздачу земли для ведения земледелия в мелких семейных хозяйствах, что принципиально было ошибкой, но ошибкой вынужденной – иначе бы крестьянство и солдаты не выступили бы в революцию и после нее на стороне большевиков.

Это обозначает, что производимый сельскохозяйственный продукт, в основном, стал попадать непосредственным производителям (крестьянским семьям, а не помещикам).

При этом, даже драконовское взимание продразверстки, а в последующем, продналога, служило, опять таки, не узкой группе помещиков и капиталистов, а шло населению городов.

Но уже к 1928 г. стало ясно, что просто лозунг о кооперации (коллективизации) не приведет к автоматическому укрупнению сельского хозяйства, чему сопротивлялся Н.И. Бухарин. Да и сами образующиеся колхозы вовсе не были чисто социалистическими предприятиями. Производимый в них продукт, опять-таки, в соответствии с трудовой теорией, должен был принадлежать колхозникам, а не государству. И это накладывало своеобразный отпечаток частно-коллективного (акционерного) отношения к производимому в первых колхозах продукту. И именно в этот момент было сделано уникальное своеобразное политэкономическое открытие – образование машинно-тракторных станций МТС, как государственных предприятий по механизации труда в земледелии.

Их образование – стало обоснованием преимуществ социализма:

- для крестьян, как земледельцев, объединяемых в коллективные хозяйства,

- для рабочих МТС, обеспечиваемых государством работой и пищей.

Но в экономической теории образование МТС не нашло отражения:

- первая станция (Шевченковская) была организована в Степном округе Одесской области,
- 5 июня 1929 года Совет труда и обороны принял Постановление о повсеместном создании МТС через организацию акционерного общества «Всесоюзный центр машинно-тракторных станций» («Тракторо-центр») [52].

Не нашел теоретического осмысления вопрос об МТС и на Всесоюзной экономической конференции в ноябре 1951 г.

На ней А.В. Санина и В.Г. Венжер предложили продать МТС колхозам. На это предложение Сталин написал «Ответ товарищам Саниной А.В. и Венжеру В.Г.».

В ответе отмечалось: «В ЦК ВКП(б) действительно было принято решение о продаже МТС колхозам в начале 1930 года. Решение это было принято по предложению группы ударников-колхозников в виде опыта, в виде пробы, с тем, чтобы в ближайшее время вернуться к этому вопросу и вновь его рассмотреть. Однако первая же проверка показала нецелесообразность этого решения, и через несколько месяцев, а именно в конце 1930 года решение было отменено» [53, С. 219]. И далее: «Что значит после всего этого требовать продажи МТС в собственность колхозам? Это значит вогнать в большие убытки и разорить колхозы, подорвать механизацию сельского хозяйства, снизить темпы колхозного производства» [53, С. 221].

Т.е. и к 1951 г. вопрос об МТС носил чисто практически проверяемый характер.

После смерти Сталина в колхозах к 1956 г. стали накапливаться существенные средства.

Накопление средств на счетах колхозов свидетельствовало – МТС содействовали развитию производительных сил нового общества. Но теоретического осмысления экономистами значения МТС для построения нового общества не было.

К этому времени в экономическом организме СССР стало наблюдаться снижение производства зерна: «В 1940 г. было заготовлено зерна 2225 миллионов пудов, а в 1953 году – лишь 1850 миллионов пудов, то есть меньше на 375 миллионов пудов» [54].

Т.о. в развивающемся экономическом организме СССР обозначились факты:

- колхозы развивались (росло благосостояние колхозников, росло накопление средств на счетах, колхозы с государством рассчитывались по принятым нормам налогообложения),
- количество производимого зерна снижалось.

Это было явным противоречием. Но осмысления этого феномена, несмотря на рост количества экономических кадров и институтов, не было.

Таким образом, в пятидесятые годы XX столетия:

- количество валюты, поступающей от торговли зерном снизилось,
- валюты не стало хватать для государственных нужд,
- темпы развития государства снизились,
- в 1956 г. Н.С. Хрущев объяснил снижение темпов развития культом личности Сталина. Тело Сталина вытащили из Мавзолея, закопали, но и после 1957 темпы развития экономики продолжали снижаться,
- у государства были МТС, которые, как государственные (полностью социалистические предприятия) содержались государством.

Как разрешить вопрос со снижением темпов развития так, чтобы:

- у государства средства появились,
- а колхозники отдали добровольно государству накопленные на их счетах средства?

Практика деятельности ЦК КПСС, включая сталинский период, показывала – что в таких случаях обращались к науке. Так случилось и в этот раз – ЦК КПСС принял постановление о развитии сельскохозяйственной науки [55]. И это было логичным решением. Действительно, зерно производилось колхозами, снижение производства

зерна наблюдалось в сельском хозяйстве. Значит, обращение к аграрной науке могло способствовать пониманию проблем и их решению.

К сожалению, научного решения вопроса не последовало. Оставалась практика.

Подробно вопрос о судьбе МТС в пятидесятые годы рассмотрен в статье [56].

Стало ясно, что в создавшихся условиях предложение Венжера о продаже МТС колхозам представлялось практикой Н.С. Хрущеву ответом на вопрос об источнике средств.

Но в СССР, как описано выше, отношение партии к этому предложению было отрицательным из-за подробного объяснения Сталиным, с опорой на практический опыт, неприемлемости продажи МТС колхозам [53, С. 221]. Поэтому, не получив ответа от науки, ЦК принял постановление о дальнейшем развитии колхозного строя, в котором была одобрена продажа МТС колхозам [57]. Т.е. путем продажи колхозам МТС, не осмысленных в экономической теории, Советское государство пошло не по научному обоснованию, а по решению стоявшей у власти коммунистической партии, руководимой Н.С. Хрущевым.

Однако в этом постановлении ЦК КПСС не было констатации о том, что продажа МТС колхозам приведет к развитию социализма.

Лишь в Законе Верховного Совета СССР от 31.03.1958 г. писалось: «...вопрос о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций имеет исключительно важное значение для успешного решения задач коммунистического строительства в нашей стране» [58]. И МТС были проданы колхозам в надежде, что дела в экономике советского государства НА ПРАКТИКЕ будут улучшены, а продажа МТС послужит успешному развитию коммунистического строительства.

Увы, улучшения не наступило. Н.С. Хрущева, как волюнтариста, практика руководства которого осуществлялась без научного экономического обоснования, что привело к ухудшению дел в государстве, сняли.

Изложенное позволяет прийти к выводу: открытие МТС, как элемента строительства

нового общества состоялось (1928 г.), а до теоретического экономического осмысления этого открытия дело не дошло. МТС, как государственные предприятия в СССР были ликвидированы в 1958 г. Их продажа не привела к развитию колхозов. Наоборот, после ликвидации стал наблюдаться рост убыточности колхозов, не смотря на громадное увеличение производства сельскохозяйственной техники и увеличения производства химических минеральных удобрений. Т.е. Хрущев был снят, а его действия по ликвидации МТС, как и его формула «коммунизма» (Коммунизм – есть советская власть плюс электрификация всей страны и, как добавил Хрущев, ХИМИЗАЦИИ), продолжали действовать безо всякого политико-экономического (теоретического) осмысления.

Такого осмысления МТС не было по простой причине – МТС, как государственные предприятия в связке с колхозами – перестали существовать. Значит, и как бы отпала необходимость социалистического экономического осмысления. Ибо с момента этого факта, между государством и колхозами фактически установились рыночные отношения (техника поставлялась в зачет поставкам продукции колхозов).

Но экономика колхозов становилась все убыточнее. К 1980 г. из 25 900 колхозов по всей стране убыточных хозяйств насчитывалось 13 700 [«Народное хозяйство СССР»].

После снятия Н.С. Хрущева ЦК КПСС еще дважды принимал постановления об улучшении дел в науке [59, 60].

К сожалению, дела ни в науке, ни в сельском хозяйстве СССР не улучшались.

На практике, на первых порах после начала строительства первого в мире государства с социалистическими производственными отношениями (1922 г.) СССР продемонстрировал все те преимущества, о которых было предсказано в трудах ученых Европы, обобщенных К. Марксом и Ф. Энгельсом. С одним уточнением – темпы развития превзошли прогноз в несколько десятков раз. Т.е. в отсталой феодальной монархической России была создана промышленность и сельское индустриальное хозяйство за более чем в десять раз

меньшее время, чем при капитализме в Европе. Однако, начиная с момента ликвидации МТС и роста производства химических удобрений и их поставок селу, почему-то стала нарастать убыточность сельского хозяйства, в котором основную массу работников сельского хозяйства составляло колхозное крестьянство.

Наука политэкономия так же не развивалась. Одна из причин этого была показана на примере разрушения Римской империи. Как было обосновано, производство полезностей в экономическом организме определяется не только трудом, а производением факторов (см. выражение 1).

Вторая причина связана с положением политэкономии о том, что применение минеральных удобрений ведет к восстановлению естественного почвенного плодородия.

СССР начал осваивать производство удобрений. Темпы роста их выпуска поражают воображение. В 1946 г. произведено было 1711 000 т, а в 1964 г. – 25 420 000 т. (в 15 раз больше). Но зерна к осени 1953 г. произвели на 15% меньше.

Т.е. положение о пользе химических удобрений и химизации для СССР не нашло своего подтверждения в науках о почвенном плодородии. Наоборот, было выявлено, что химизация земледелия ведет к деградации естественного почвенного плодородия и голоду [64, 62, 63].

ЦК КПСС пытался спасти ситуацию. В 1982 г. была принята Продовольственная программа. Но и она не смогла остановить рост убыточности колхозного производства.

Характерно, что уже в 1983 г. вышедшие из недр марксизма-ленинизма ученые политэкономисты (все без исключения) поддержали мнение академика Т.И. Заславской – социализм не может «...обеспечить полное и достаточно эффективное использование трудового и интеллектуального потенциала общества» [64].

На что же опирались ученые? На практику, как критерий истины. Раз в СССР колхозы на практике становились все убыточнее и убыточнее, а в СССР как бы был социализм, то убыточность сельского хозяйства как бы логично было связать именно с социализмом.

Но как показано выше, продажа колхозам МТС как раз нарушила практику социалистического строительства. Т.е. социализм не имел предметного отношения к росту убыточности колхозов. Значит, афоризм «Практика – критерий истины» – не применим к оценке социализма через колхозы, развитие которых по пути социализма было остановлено превращением МТС из государственной собственности в колхозную собственность.

Этого Т.И. Заславская, как бухгалтер, специалист по начислению заработной платы в колхозах, не понимала, ибо не была ученым-специалистом по политэкономии.

Но академика поддержали другие экономисты, которые в сельскохозяйственной экономике, в силу специализации, принципиально не разбирались. Не разбирались, но поддержали бухгалтера, считавшего себя не политэкономистом, а социологом.

Мнение ученых-экономистов свелось к единому мнению – в СССР необходимо заменить социализм капитализмом (рынком). Экономистам поверил М.С. Горбачев, который перетряс ЦК КПСС. И «верхи», не справившись с задачами поиска причин сбоя сельского хозяйства, вместо причин убыточности – устранили СССР. Первое социалистическое государство распалось на множество государств с рыночной экономикой. Созданный в них искусственным путем класс частных собственников бывшей коллективной собственности, как показала практика всех последних тридцати лет после Перестройки, развивать экономику не может. И это есть реальная практика, как критерий истины, подтвердившей правильность критики Марксом политэкономий буржуазного капиталистического строя.

Т.о. экономистами была допущена ошибка [65]. Оказалось, что в СССР, как и во всем мире, развитию производительных сил общества мешало ведение земледелия по ошибочным рекомендациям аграрных и связанных с ними наук [66].

Стало быть, в Римской империи, в монархической России и СССР упадок земледелия явился следствием нарушения в земледелии явления круговорота органического вещества.

Выводы

1. Разрушение Римской империи, монархической России, социалистического государства СССР было предопределено ведением земледелия по способам, нарушавшим природное явление круговорота органического вещества.

2. Развитие экономики человеческого общества может происходить только по восходящей линии развития производственных отношений – от феодальных производственных отношений к их капиталистической форме и, далее, к социализму.

3. На пути, обратном к цели, цель развития не достигается.

Список литературы

1. *Гесиод*. Работы и дни. Земледельческая поэма / пер. В. Вересаева. – М.: Недра, 1927.

2. *Аристотель*. Сочинения. Издание Иммануила Беккера. Том IX. – Оксфорд, 1837. – с. 99.

3. *Монкретьен А.* Traite de l'economie politique (Трактат политической экономии). – Руан, 1615.

4. *Тарханов О.В.* Политическая экономия: термины и определения // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2020. – № 1 (29). – С. 95–103.

5. *Тарханов О.В.* Экономический организм: факторы производства // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2020. – № 2 (30). – С. 75 – 85.

6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Капитал. Сочинения. Издание 2. Том 23. – Т.1 «Капитал», Том 24 – Т. 2 «Капитала», Том 25, Ч.1 – Т. 3 первая часть, Т. 25, Ч. 2 – Т. 3 Часть вторая Т.3, Том 26 (часть 1, 2, 3) – Т. 4.

7. *Тарханов О.В.* Теоретическая экономия – тупик классового подхода. – М.: Экономика, 2003. – 365 с.

8. *Маркс К., Энгельс Ф.* К критике политической экономии // Собр. соч., изд. 2, т. 13. – М.: Политиздат, 1959. – 771 с.

9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Второе издание, Т. 20, – Антидюринг, 1961. – 828 с.

10. *Морган Л.Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через Варварство к цивилизации. 1877 г. – Л.: Научно-исследовательская ассоциация «Институт

народов севера», 1935. – 350 с.

11. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Моргана. – Цюрих, 1884.

12. История Древней Греции / Под ред. В.И. Кузицина. 3-е изд. – М.: Выс. шк., 2003. – 399 с.

13. *Боннар Андре.* Греческая цивилизация. Т. I. От Илиады до Парфенона / Пер. с франц. О. В. Волкова; Предисл. проф. В. И. Авдиева. – М.: Искусство, 1992. – 269 с.

14. *Джонс А.Х.М.* Гибель античного мира. – Ростов на/Д: Издательство «Феникс», 1997. – 576 с.

15. *Lot F.* La fin du monde antique et le debut du moyen age. – Paris, 1968. – pp.110-111; *Piganiol A.* L'empire chretien (325 – 395). Paris: 1972. – p. 315.

16. *Кузовков Ю.В.* Глобализация и спираль истории. – М.: Издательство Анима-Пресс, 2010.

17. *Фюстель де Куланж Н. Д.* Римский колонат. – СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1908.

18. *Тарханов О.В.* Состояние экономики РФ как следствие незнания и заблуждений // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2018. – № 4 (25). – С. 41–56.

19. Ученые земледельцы древней Италии. [Катон, Варрон, Колумелла, Плиний] / Пер. М. Е. Сергеевко. – М.: Наука, 1970. – 292 с.

20. Античная цивилизация / В. Д. Блаватский [и др.]; отв. ред. В. Д. Блаватский АН СССР. Ин-т археологии. – М.: Наука, 1973. – 270 с.

21. *Либих Ю.* Органическая химия в приложении к земледелию и физиологии. 1840.

22. *Кошель П.А.* Минеральное питание растений и почва // Биология. – 2003.

23. *Пейве Я.В.* Микроэлементы и ферменты. – Рига: Изд-во Акад. наук Латв. ССР, 1960. – 136.

24. *Тарханов О.В.* Аналитическая оценка ожидаемого урожая // Избранные лекции X Всероссийской школы «Экология и почвы». – Пущино, 2001. – С. 330–336.

25. *Тарханов О.В.* Органическое вещество в агроценозе. – Уфа: БиЦОР, 1999. – 51 с.

26. *Кореньков Д.А.* Удобрения, их свойства и способы использования. – М.: Колос, 1982. – 415 с.

27. *Гедройц К.К.* Избранные сочинения. В 3-х тт. / Под общ. ред. Н. П. Ремезова. Т. 2. Химический

анализ почвы. – М.: Сельхозгиз, 1955. – 616 с.

28. Виноградский Сергей Николаевич // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / Под ред. А. М. Прохорова, – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969.

29. *Илялетдинов А.Н.* Биологическая мобилизация минеральных соединений. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 331 с.

30. *Тарханов О.В.* Кризис международной безопасности как следствие системы научных заблуждений // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. – № 3 (19). – С. 93–100.

31. *Рожков Н.А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. – М., 1899.

32. *Рожков Н.А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке и его влияние на социально-политический строй того времени // Мир Божий. – 1900. – № 12.

33. *Blum J.* Lord and Peasant in Russia : From the Ninth to the Nineteenth Century. – New York, 1964. – pp. 557 – 558.

34. *Ключевский В.* Курс русской истории. Лекция LXXXVI.

35. Письмо Председателя Редакционных комиссий Я. И. Ростовцева Александру II, представляющее обзор различных мнений, ходивших в то время в обществе, о способах освобождения крестьян. 23 октября 1859 г. // Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 169.

36. Речь Александра II, произнесённая им 30 марта 1856 г. перед московским губернским и уездным предводителями дворянства // Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 85.

37. *Семенов-Тянь-Шанский Н.П.* Начало эпохи освобождения крестьян от крепостной зависимости. Из воспоминаний последнего оставшегося в живых участника законодательных работ этой эпохи // Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 149.

38. *Рожков Н. А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении:

(Основы социальной динамики). – 2-е изд. – Л.; М.: Книга, 1928. – Т. 11: Производственный капитализм и революционное движение в России второй половины XIX и начала XX века. – 406 с.

39. *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1880-х годов. – М.: изд-во Моск. ун-та, 1964. – 511 с.

40. *Рубакин Н.А.* Россия в цифрах. – СПб: Издательство «Вестника знания» (В.В. Битнера), 1912. – 216 с.

41. Крестьянское восстание 1902 года. История и события. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mywebs.su/blog/history/40853/>

42. *Данилов В.П.* Судьбы сельского хозяйства в России (1861 – 2001 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ladim.org/st006.php>

43. *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., 2 изд., т. 13, «К критике политической экономии».

44. *Ленин В. И.* Маёвка революционного пролетариата // ПСС. – Т. 23. – Стр. 300.

45. Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик. Сб. документов. 1917 – 1936, т. 3, – М., 1960. – с. 18–22.

46. *Барсенков А. С.* Введение в современную российскую историю 1985 – 1991. – М., 2002.

47. *Сталин И.В.* Соч. Т. 12. – М, 1949. С. 141 – 172. «К вопросам аграрной политики в СССР». 27 декабря 1929 г.

48. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание 2. Том 26. Часть 3.

49. *Огановский Н.П.* Очерки экономической географии СССР. – М.: Новая деревня, 1924.

50. *Чаянов А.В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации (1927) / В книге: *Чаянов А.В.* Избранные труды. – М.: Колос, 1992.

51. *Ленин В.И.*, ПСС, издание 5-е, т. 45.

52. Портал «Правовая Россия». Постановление СТО СССР от 05.06.1929.

53. *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР // Сталин И.В. Соч. в 16-и т. – Т. 16. – М., 1997. – С. 154–223.

54. *Хрущев Н. С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Речи и до-

кументы. В 5 т. – М.: Госполитиздат, 1962. – С. 155.

55. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 февраля 1956 г. № 253 «О мерах по улучшению работы научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству».

56. *Тарханов О.В.* Политическая экономия СССР– России: 1919–2018 гг // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2019. – № 2 (26). – С. 51–72.

57. Постановление Центрального комитета КПСС, Совета министров СССР № 425 от 18 апреля 1958 «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций».

58. Закон Верховного Совета СССР «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» 31 марта 1958 года

59. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 октября 1968 г. N 786 «О мерах по дальнейшему улучшению научно-исследовательских работ в области сельского хозяйства» (СП СССР, 1968, № 19, ст. 133).

60. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 августа 1976 г. № 703 «О мерах по дальнейшему повышению эффективности сель-

скохозяйственной науки и укреплению ее связи с производством» (СП СССР, 1976, № 21, ст. 103).

61. *Тарханов О.В.* Теоретическая экономия (тупик классового подхода). – М.: Экономика, 2003. – 351 с.

62. *Тарханов О.В.* Сельхозпроизводитель и почвенное плодородие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fermer.ru/content/selhozproizvoditel-i-pochvennoe-plodorodie-215831>

63. *Тарханов О.В.* О питании растений и плодородии почвы // Аграрный сектор. – 2016. – № 3 (16). – С. 48–54.

64. *Заславская Т.И.* Доклад «О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии», прочитанный на семинаре «Социальный механизм развития экономики». – Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1983.

65. *Тарханов О.В.* Кризис международной безопасности как следствие системы научных заблуждений // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. – № 3 (19). – С. 93–100.

66. *Тарханов О.В.* Состояние экономики РФ как следствие незнания и заблуждений // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2018. – № 4 (24). – С. 41–56.

Статья поступила в редакцию 5 мая 2020 г.

Принята к публикации 12 сентября 2020 г.

Ссылка для цитирования: Тарханов О.В. Политическая экономия: причины расхождения с практикой // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2020. № 3(31). С. 69-94. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2020-3-69-94>